

После того как бароны и дож Венеции сошли на берег, в монастыре Святого Стефана собрался совет, в ходе которого было высказано много разных мнений и предложений. Все слова, которые были там сказаны, я не могу вам передать, но думаю, лучше всего рассказать, что ближе к концу совета дож Венеции встал и сказал собравшимся: «Сеньоры, я знаю положение в этой части света лучше, чем вы, ибо некогда я бывал здесь. Вы взяли за самое великое и самое опасное дело, которое люди когда-либо предпринимали; поэтому действовать нужно мудро и благоразумно. Знайте, что коли мы сойдем на сушу, то перед нами предстанет великая и обширная страна, а у наших людей не осталось денег, у них мало провизии. Соответственно, они разбредутся по всей стране в поисках припасов. А эти места очень густо населены, и мы не можем обеспечить всем защиту, не понеся потерь, что для нас недопустимо, поскольку у нас и так очень мало людей для того замысла, который ждет нас.

Неподалеку отсюда имеются острова – вы их можете увидеть отсюда, населенные жителями, хозяйства которых обильны хлебом, мясом и всяким другим добром. Я предлагаю – давайте поставим наши корабли в тамошней гавани, нагрузим их зерном и другими припасами, которые острова смогут нам поставить; и когда у нас будет достаточно запасов провизии, то встанем под городом и свершим то, что предначертал наш Господь и Спаситель. Ибо гораздо уверенней воюют те, у кого есть пропитание, нежели те, у которых пустота в желудке». Графы и другие крупные феодалы согласились с этим советом, и собрание разошлось по своим кораблям.

Таким образом, эту ночь армия отдыхала; а на следующее утро, которое начинало День святого Иоанна Крестителя, знамена и штандарты были подняты на башни кораблей, а щиты вынуты из чехлов и подвешены к бортам. Каждый осматривал свое оружие, поскольку все хорошо знали, что скоро оно понадобится.

Моряки подняли якоря и поставили паруса по ветру; Бог послал им попутный бриз, который был им нужен. Флот прошел перед Константинополем – так близко от стен и башен, что многие корабли едва не касались их. На укреплениях стояло столько народу, что казалось, будто в городе больше никого не осталось.

И тогда наш Господь Бог внушил им отринуть решение о том, чтобы двинуться к островам, которое было принято накануне вечером, будто никто никогда и не слышал, как об этом говорилось. Они напрямик устремились к твердой земле, вошли в гавань перед дворцом императора Алексея в том месте, что называлось Халкедон (совр. Кадыкёй. – Ред.), расположенном точно напротив Константинополя, на азиатском берегу пролива Босфор в Малой Азии. Дворец этот был одним из самых прекрасных и великолепных, какие когда-либо видывали человеческие очи, и были в нем всякие улады, которые надобны человеку в царском жилище.

После высадки графы и другие предводители крестоносцев расположились во дворце или в городе поблизости от него. Многие раскинули свои шатры. Когда все было готово, коней вывели из транспортов, а рыцари, оруженосцы и другие сошли на сушу при всем своем оружии, так что на корабле остались лишь моряки. Земля в окрестностях Халкедона была плодородна и красива и изобиловала всяким пропитанием. Из снопов сжатого хлеба, которые стояли на полях, каждый взял себе, сколько хотел, ибо все испытывали большую нужду.

Весь следующий день предводители крестоносцев провели во дворце. А два дня спустя, когда Бог послал попутный ветер, моряки подняли свои якоря и, поймав попутный ветер, поставили паруса по ветру и поднялись по проливу на добрую лигу (около 5 км) севернее Константинополя, пока не подошли к другому дворцу императора Алексея в том месте, что называлось Скутари (совр. Ускюдар. – Ред.). Здесь все корабли, включая галеры и транспорты, встали на якорь, а тем временем все рыцари, которые было расположились во дворце Халкедон, двинулись сушей вдоль берега.

Таким образом, французское войско встало лагерем на берегу пролива Святого Георгия в Скутари и еще выше по берегу (на берегу Мраморного моря у входа в пролив Босфор. – Ред.). Узнав об этих маневрах, император Алексей вывел свое войско из Константинополя и занял позицию на другом берегу пролива, прямо напротив расположения французов. Здесь он повелел раскинуть свой лагерь, чтобы быть в готовности отразить любую попытку с нашей стороны силою захватить у него землю. Французское воинство стояло на этом месте девять дней. Те, кто нуждался в продовольствии, обеспечивали себя сами, то есть так вел себя каждый человек в войске (т. е. грабили местное население. – Ред.).